

КОНЦЕПЦИЯ БОГОВДОХНОВЕННОСТИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Исторически сложилось так, что теория боговдохновенности творящего субъекта стоит первой в ряду всех попыток человечества объяснить феномен гениальности. В отличие от множества “простых смертных”, гений свыше наделен способностью проникать за пределы действительности в сферу подлинного бытия, тайны которого, благодаря ему, становятся достоянием обыденного сознания. Он проявляет и трактует волю божества, объясняет людям смысл действительности, смысл не постижимый в рамках их обычной жизни. И все это совершается с одной единственной целью – с целью познания, или, точнее говоря – осознания тайн мира. В этом смысле гений – всегда трансценденция, преодоление и превышение обыденности для подтверждения и напоминания о связи человека с миром божественным. Через творца манифестирует себя божество (любая “нечеловеческая” сила или явление), а человек обретает способность прикоснуться не только ко внеположенной ему божественности, но и обнаружить ее в себе.

Мистическое отношение к человеку, наделенному даром (в данном случае содержание одаренности никакой роли не играет. Это может быть дар пророчества, заклинателя погоды или художественный талант), служит фундаментом данной концепции. Гений настолько уникален, настолько “выламывается” из контекста обыденной жизни, что невольно возникает чувство потусторонности его способностей, появляются все основания рассматривать творца как человека “не от мира сего”. Теория эта тесно переплетена с религиозными представлениями, бытующими в социуме. Так, античность впервые создает образ Муз – вдохновительниц и неизменных спутниц гения. Сам термин гений (от лат. *genius*) обозначал в древнеримской мифологии духа-покровителя, сопровождающего человека в течение всей жизни и руководящего всеми его помыслами и поступками, что лишний раз подтверждает духовный, а, следовательно, и не-предельный, в отличие от грубой материи, смысл творческой деятельности.

Двусмысленность положения творца определяется данной теорией как промежуточное состояние гения между божественным миром и обыденным сознанием. Творец в некотором смысле пограничная фигура – он, оставаясь человеком – конечным и определенным существом, – все же соразмерен божеству в акте творчества. Вдохновение “выхватывает” человека из ограниченного мира обыденности и переносит в “нереальный” мир фантазии. Здесь действуют другие, по сравнению с действительностью, законы, определенные логикой движения художественного образа, логикой взаимодействия с воображаемой реальностью произведения. Само общество детерминирует маргинальное положение человека искусства – от полного принятия социумом до его полного отвержения. Он не находит в социальном пространстве точно определенного, закрепленного только за ним места. Художник и по сей день вынужден искать покров-

вительство со стороны более устойчивых, с точки зрения социального статуса, общественных групп (обладающих экономической, религиозной либо политической властью – меценатство, государственная поддержка культуры и искусства и т.п.). С одной стороны, отсутствие четко предопределенного социального статуса дает художнику возможно большую свободу по сравнению с другими людьми (свободу перемещения в символическом поле культуры, прежде всего), с другой – оставляет место риску и нестабильности в обычной жизни.

Воздействие искусства в теории боговдохновенности определяется как катарсис – открытие себя божественности, через очищение и освобождение от обыденности. Человек, обращаясь к гениальному произведению, сам выходит навстречу божественности, откликаясь на зов подлинного бытия. Художественное произведение в рамках данной теории сакрализуется. Как это не парадоксально звучит, но приверженность к данной концепции гениальности не подразумевает обязательное наличие глубокого религиозного чувства у ее адептов. Важно само определение гениальности в качестве “запредельного” обыденному сознанию способа проявления человека в мире.

Если рассматривать творческую ситуацию феноменологически – от лица самих художников, – то мы увидим, что творящий субъект ничем не отличается от стороннего наблюдателя в своих попытках объяснить ее причины и результаты. Это проявляется в отказе многих признанных гениев от авторства. «Поскольку писал не я, а бог, дьявол, дух, “внутренний голос” (у П.И. Чайковского), то творец осознает себя, как, например, Моцарт, инструментом посторонней силы: “Я тут не при чем”».¹

«Это состояние отрешенности от собственного «Я», когда отсутствует ощущение личной инициативы и личной заслуги в создании творческого продукта, в человека как бы вселяется чуждый дух, ему внушаются мысли, образы, чувства извне. Это переживание приводит к неожиданному эффекту: творец начинает с равнодушием или, более того, с отвращением относиться к своим творениям. Возникает так называемая посттворческая ситуация. Автор отчуждается от своего труда. При выполнении же целесообразной деятельности, в том числе – трудовой, присутствует противоположный эффект, а именно – «эффект вложенной деятельности». Чем больше человек затратил усилий на достижение цели, производство продукта, тем большую эмоциональную значимость этот продукт для него приобретает».²

В целом мы можем сделать вывод: любые попытки объяснить проявление гениальности рационально заходят в тупик. Вдохновение, спонтанность творческого акта, нетривиальность принятых решений, новизна образов не поддаются формально-логическому объяснению, последнее возникает *post factum*, когда собственно творчество завершено. Сама природа одаренности провоцирует мистификацию гения и его искусства. Рационализация, в данном случае, демонстрирует не понимание предмета, но стремление вписать неординарное в рамки привычного восприятия действительности.

¹ Дружинин В.Н. Психология общих способностей/В.Н. Дружинин. - СПб.: Питер, 1999, с. 162

² Там же, с.163